

Я привыкла к запаху смерти. Тошнотворный, приторный дух, что плыл по ветру к комнатам этого дворца. Теперь мне легко быть спокойной и умиротворенной. По утрам я смотрю на небо, на перемену света. Пока мир наполняется сокровенными своими радостями, накатывает птичье пение, а затем, когда день увядает, увядает и стихает звук. Я наблюдаю, как удлиняются тени. Столько всего ускользнуло, а дух смерти все мешкает. Может, этот запах проник в мое тело и был встречен там как старый друг, заглянувший в гости. Запах страха и смятения. Запах — он здесь, как самый воздух: он возвращается так же, как по утрам возвращается свет. Он мой постоянный спутник — придает жизни моим глазам, глазам, что сделались тусклыми от ожидания, но теперь они не тусклы, сейчас их озаряет блеск.

Я велела оставить тела на солнце, на день-другой, пока сладость не уступила вони. Нравилась мне и слетевшиеся мухи, их тельца растеряны и отважны,

жужжат после пиршества, удручены неутолимым голодом, какой чувствуют в себе, голодом, какой познала и я — и научилась ценить.

Мы все теперь голодны. Пища лишь возбуждает в нас аппетит, затачивает зубы: от мяса мы делаемся жаднее до мяса — как от смерти делаемся жаднее до смерти. Убийство придает нам жадности, наполняет душу удовлетворением — яростным, а затем таким сладостным, что порождает вкус на дальнейшее удовлетворение.

Нож, что пронзает мягкую плоть за ухом, проникновенно и точно, а затем движется поперек горла столь же беззвучно, как солнце по небу, но с большей прытью и пылом, и потом темная кровь струится с тем же неустранимым безмолвием, с каким сходит ночь на знакомые предметы.

Волосы ей обрезали прежде, чем тащить ее к месту заклания. Руки у моей дочери были стянуты за спиной, кожа на запястьях стерта веревками, щиколотки связаны. Рот заткнут, чтобы не кляла она своего отца, своего трусливого, двуличного отца. Тем не менее ее приглушенный крик был услышан, когда она в конце концов осознала, что отец действительно собирается убить ее, что действительно хочет пожертвовать ею ради своего войска. Волосы ей брили в спешке, небрежно: одна из женщин ухитрилась

порезать ржавым лезвием кожу на голове моей дочери, а когда Ифигения начала изрыгать проклятья, рот ей завязали тряпкой, чтобы не слышно было ее слов. Горжусь, что она не прекращала бороться, ни на единый миг, и, хоть и произнесла заискивающую речь, с участью не смирилась. Не оставляла попыток ослабить путы на щиколотках и веревки на запястьях, чтобы освободиться. Не перестала и клясть своего отца, чтобы чувствовал тяжесть ее презрения.

Никто теперь не желает повторять то, что произнесла она, пока не заглушили ее голос, но я знаю, каковы были ее слова. Я сама научила ее им. Те слова я придумала, чтобы уничтожить ее отца и его приспешников с их нелепыми целями: те слова провозглашали, что произойдет с ним и его ближними, когда разлетится весть, как выволокли они нашу дочь, гордую красавицу Ифигению, на это место, как протащили ее в пыли, чтобы принести в жертву и так победить в своей войне. В тот последний миг ее жизни, как мне сказали, она кричала в голос, чтобы пронзило сердца тех, кто ее слышал.

Они убили ее, и к возвращению Агамемнона, ее отца, крик сменился безмолвием — и кознями: я заморочила голову супругу, чтобы думал, будто я не стану мстить. Я ждала знаков, и улыбалась, и открывала ему объятия, и приказывала подать яства к обеду. Обед для олуха! Носила на себе особый аромат, что будоражил его. Благовоние для болвана!

Я приготовилась — в отличие от него, героя, вернувшегося домой со славной победой; кровь

дочери — у него на руках, но теперь словно бы отмытых от всякой скверны, ладони белы, объятия распахнуты друзьям, лицо сияет улыбкой, великий воин, что вскоре, как считал он, вознесет торжествующий кубок и положит в рот сочную пищу. В раззявленный рот! Воин, довольный, что вернулся домой!

Видела я те ладони, сжатые от внезапной боли, сжатые от жуткого внезапного знания, какое наконец постигло его — в его собственном дворце, в мирное время, когда не сомневался, что порадуется старой каменной ванне и легкости, какую в ней можно обрести.

Это вдохновляло его не сдаваться, говорил он, — мысль о том, что ждет его: целительные воды, и пряности, и мягкие чистые одежды, и привычные воздух и звуки. Словно лев, упокоивший морду, когда прорычал свое, тело вялое, а любая мысль об опасности — вдали от ума.

Я улыбнулась и сказала, дескать, да, я тоже думала о приеме, какой ему окажу. Мое бодрствование и мои грезы, сказала я, наполнились им. Я грезила, как восстанет он, очищенный, из душистой воды. Сказала ему, что ванну ему приготовили — как приготовили и яства, и накрыли стол, и собрали друзей. И надо пойти туда, сказала я, надо ему пойти и принять ванну. Непременно принять ванну, ванну облегчения: вот он и дома. Да, дома. Вот куда вернулся лев. Я знала, что делать со львом, когда тот вернется домой.

Доносчики сообщали мне, когда он возвратится. Люди разжигали костры, те несли весть другим холмам, где люди разжигали костры, чтобы уведомить меня. Вести принес огонь, а не боги. Ныне среди богов нет никого, кто мне предлагает содействие — или надзирает за моими поступками, или читает мои мысли. Ни к кому из богов не обращаюсь я. Живу одна в дрожком, уединенном знании, что время богов миновало.

Никаким богам не молюсь. Одинока я среди здешних, потому что не молюсь — и никогда больше не стану. Буду говорить обыденным шепотом. Говорить словами, что родились в миру, и слова эти будут исполнены сожаления по утраченному. Буду произносить звуки, похожие на молитвы, но молитвы без истока и предназначения, даже человеческого, ибо дочь моя мертва и не услышит.

Я знаю как никто другой, что боги отстранены, у них нет других забот. Им так же нет дела до человеческих страстей и выходов, как мне нет дела до листвы на деревьях. Я знаю, что листва есть, она вянет, и отрастает вновь, и вновь вянет — как появляются на свет и живут люди, а затем их замещают им подобные. Я не в силах помочь им или предотвратить их увядание. Я не вмешиваюсь в их страсти.

Хочется встать и рассмеяться. Услышьте, как я хихикаю, а затем вою от смеха — от одной лишь мысли, что боги позволили моему супругу победить в его